

Елена
Усачёва

Летний
роман
для девочек

мой лучший роман

Елена Александровна Усачева
Мой лучший роман
Серия «Только для девчонок»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163431
Мой лучший роман: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 78-5-699-21840-0

Аннотация

Кучу времени провела Изабелла Огурцова, читая книги о секретах обольщения. И в разгар лета решила применить их на практике. Ведь Изабелла умела все: «строить глазки», многозначительно и загадочно улыбаться, принимать эффектные позы. Все это должно было сразить ее поклонников наповал. Тем более что молодых людей в поселок приехало много. С кого начать – с крутого взрослого Стаса, загадочного поэта Макса или компанейского Васьки? Пока девушка размышляла, таинственная Судьба сама вмешалась в ее жизнь...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

4

28

Елена Усачева

Мой лучший роман

– Чтобы парень обратил на тебя внимание... и не только обратил, но и стал за тобой бегать на полусогнутых, запомни три простых правила. Первое – никогда не будь в толпе, чуть-чуть выделяйся из нее. Второе – все время парня хвали. Мужики это любят. И третье – постоянно демонстрируй, что он сильный, а ты слабая и без его помощи ну прямо никуда.

Катюша Жданова лениво прослушала наставления своей подруги Изабеллы Огурцовой, прозванной Белкой, и равнодушно кивнула. Солнце слепило, блики на воде заставляли жмуриться. В эту секунду не хотелось думать. Хотелось лежать на песке, закрыв глаза, и...

Все, никаких «и». Лежать и не шевелиться.

– Ты меня не слушаешь! – возмутилась Белка и толкнула разнежившуюся на солнышке Катюшу пяткой.

– Слушаю, – не открывая глаз, пробормотала Катюша. – Выделяться, хвалить и быть слабой. Это все? – Катюша перевернулась на живот.

Небольшой речной пляж дачного поселка «Дар» был забит до отказа. Даже древние старушки на время забросили

свои огороды и выползли понежиться на солнышке да походить по мелководью. Здесь же у самого бережка колупалась малышня. А на другом берегу с гиканьем и визгами катались на тарзанке мальчишки. Даже Катюшин родной брат Пашка снизошел до «сельской молодежи» и уже, наверное, десятый раз нырял с крутого берега, демонстрируя высокий класс кандидата в мастера спорта по плаванию. Два закадычных друга, Клёпа и Тигра (Андрей Кривцов и Сергей Тихомиров), кувыркались на середине реки. После каждого кульбита их сильно сносило течением вниз, и они долго плыли, чтобы вернуться на прежнее место напротив пляжа. Даже Лягушка, ах, простите, Таня Жабина, вынесла свои бледные мощи под солнышко. Хотя она, впрочем, как и Белка, утверждала, что загар – это только для нищих. Истинная леда должна иметь безупречно белую кожу. Наверное, они с Огурцовой читали одну и ту же книжку или журнал, где прозвучало это утверждение.

«Ничего, в жару загар хочешь не хочешь войдет в моду», – с улыбкой подумала Катюша, надвигая панамку на нос. Сама она уже успела разочек здорово обгореть и больше не боялась обжигающего солнышка.

– Вот смотри. – В Белке проснулся спортивный азарт. – Я тебе сейчас докажу, что, пользуясь моими правилами, можно заполучить себе любого парня.

Из-под Катюшиной панамки послышался смешок. Ждановой не хотелось злить подругу, смешок у нее сам вырвал-

ся, потому что слишком уж заносчивые слова прозвучали. Она даже была готова извиниться, но Огурцову уже было не остановить. Глаза ее нехорошо сузились. Она окинула взглядом пляж. Катюше показалось, что все звуки смолкли.

– Следи за руками, – победно произнесла Белка, встала и не спеша подошла к мирно сидящему на песочке Ваське Брыкову.

Катюша снова закрыла лицо панамкой, чтобы подруга не увидела ее улыбки. Объект для своей охоты Огурцова выбрала неудачно. Уже больше недели Васька изображал при Катюше безмолвного рыцаря. Каждый раз при встрече он пытался что-то ей объяснить, но тушевался, краснел и молча следовал за своей дамой. Благо ему это не запрещалось.

В самом начале лета Катюша считала себя влюбленной в Василия. У него были обалденно красивые глаза – темные, с длинными бархатными ресницами и какие-то печальные. Катюшино заблуждение длилось недолго. Увлеченный своими делами, Василий ее не замечал, да и она постепенно охладела к нему, увлекшись кое-кем другим.

Но вот Брыков разглядел свою соседку (а жили они через забор). На то была веская причина. Однажды из-за ссоры с братом Катюша чуть не сгорела в костре. Второй раз из-за того же брата, который бросил ее за десять километров от поселка, она заблудилась в лесу и с утра до вечера бродила между деревьев, умирая от страха и жажды. А третий раз... Третий раз вышло глупо. Она залезла на дерево и не смогла

слезть. Снимал ее оттуда все тот же брат.

Почему-то после этих историй Васька стал смотреть на Жданову с большим уважением.

Катюша резко села, пытаясь прогнать ненужные воспоминания. Ладно, что было, то прошло. Теперь надо придумать, что делать со страдающим соседом. За неделю совместного сидения на пляже он ей порядком надоел.

Между тем мягкой крадущейся походкой Белка подобралась к ничего не подозревавшему Брыкову.

– Здравствуй, Васенька, – приторно сладко заговорила она. – Как дела?

– Нормально. – Брыков подобрал ноги и быстро оглянулся, видимо, ожидая после этого вопроса как минимум подзатыльника.

– А чем ты занимаешься? – мурлыкала дальше Белка.

– Сижу, – замялся Васька. – На воду смотрю.

– А почему ты не купаешься? – Обольстительница присела рядом с Брыковым и ласково посмотрела ему в глаза.

– А я... это, – Васька глянул на хихикающую Катюшу. Глазами он хотел показать, что ждет, когда она пойдет в воду, но Катюша не спешила ему помогать. – Почему не купаюсь? Купаюсь.

Он встал и, сопровождаемый нежными улыбками Огурцовой, пошел к реке.

– Какой молодец, – ахала Белка, идя следом. – И далеко можешь заплывать?

– На тот берег могу, – гордо произнес Брыков. Река была неширокая, метров пятнадцать-двадцать, и хоть течение здесь было ощутимо, на другой берег не переплывал разве что пятилетний карапуз.

– Здорово! – В глазах Огурцовой появился неподдельный восторг. – Покажи!

Васька подтянул плавки и ступил в воду. Плавал он плохо. Бестолково бил руками по воде и фыркал, как морж.

– Давай, давай! – кричала Белка, пока несчастный Васька боролся с течением. – Мы на тебя смотрим!

Катюша уже давно каталась по песку, не в силах сдержать смех, но Белка оставалась абсолютно серьезной. Минут через десять обессиленный Брыков выбрался на берег.

– Да ты герой, – захлопала в ладоши Белка, продолжая прыгать, как мартышка.

Васька слабо улыбнулся.

– Ай! – Огурцова последний раз подпрыгнула и схватилась за ногу. – Ой-ой! Как больно! – заверещала она на весь пляж.

– Что? – подлетела к ней Катюша, но Белка грубо оттолкнула ее и стала заваливаться на опешившего Василия.

– Ногу свело, – прошептала она, цепляясь за Брыкова. – Наступить не могу.

– Чего делать-то? – растерялся Васька, неловко поддерживая тяжелую Огурцову.

– Помогите! – стала закатывать глаза Белка, словно у нее

не нога болит, а по меньшей мере сердечный приступ случился.

– Делать-то чего? – Не удержав Огурцову, Брыков свалился на песок.

– Как чего? – пожала плечами Катюша, стараясь сохранить серьезное выражение лица. – В поселок ее надо, домой. Там ей повязку наложить и... и... И у нее все пройдет. А если не пройдет, то придется делать искусственное дыхание.

Стонущая Белка незаметно для Брыкова показала Катюше кулак. Тем временем Васька честно пытался приподнять театрально страдающую Белку, но сдвинуть ее с места у него не получилось.

– Велосипед! – предложила Катюша, испугавшись, что Васька угробит подругу раньше, чем сможет что-то с ней сделать. – Бери Клёпин велосипед и вези ее домой. Я Кривцову потом все объясню.

– Точно!

Васька подогнал велосипед, усадил на него тут же ожившую Огурцову и, забыв даже натянуть штаны, повез ее по тропинке прочь от речки. Катюша с тревогой смотрела вслед сильно вихляющему велосипеду и думала, что до поселка они вряд ли доберутся, потому что впереди у них крутой подъем в горку. Васька и один-то этот подъем не осиливает, а вдвоем с Белкой он умрет где-то на середине. Два бездыханных трупа закопают на крутом обрыве, и влюбленные каждую весну будут носить цветочки на их безымянные мо-

гилы...

О чем это она?

Когда велосипед уже отъехал на порядочное расстояние, Огурцова повернулась и одними губами произнесла: «Учись!» Катюше оставалось только развести руками.

Белка вообще была мастер по всяким хитростям в отношениях с парнями. При всей своей неброской внешности впечатление на людей она производила ошеломительное. А чтобы еще больше выделиться, двигалась она медленной плавной походкой, все старалась делать неспешно, как бы фиксируя каждое свое движение. Остановиться в выгодной позе, сесть, картинно закинув ногу на ногу, говорить с томным придыханием, словно у нее вот-вот начнется приступ астмы... Катюша завидовала талантам подруги, но вряд ли когда-нибудь сама воспользовалась бы ее советами. Слишком уж все это было сложно.

– Здравствуй, Катя!

Жданова вздрогнула, до того неожиданно раздался этот голос.

Вот, пожалуйста, еще одна жертва Белкиного обаяния. Максим Лаврентьев появился у них в поселке недавно. Был он немного странный. Красивый какой-то неестественной красотой, неторопливый и невероятно «правильный». От речи до манеры одеваться – все четко, все безукоризненно. Как Жданова недавно выяснила, он еще и поэтом был. Короче, ни одного положительного качества. И что Огурцова в нем

нашла? Долгую неделю она устраивала Максиму всевозможные ловушки, ходила за ним по пятам, применяя на нем весь свой арсенал знаний. Чем уж она его взяла, так и осталось неизвестным. Но поэт сдался, и теперь Белка везде таскала его за собой.

А когда не таскала, то Лаврентьев каким-то загадочным образом оказывался рядом с Катюшей: то предложит пройтись по берегу, то принесет томик стихов. Словом, Огурцовый здесь нужно было еще работать и работать.

– Здравствуй, Катя!

Максим сел рядом со Ждановой.

– Река какая сегодня красивая! – с восторгом произнес он.

Катюша глянула на взбаламученную десятком купающихся воду и не увидела в ней ничего красивого. Но Максим смотрел вперед с неподдельным упоением.

– Чего не купаешься? – сменила тему Жданова. – Огурцова здесь только что была. Уехала.

– Я видел, – спокойно произнес Максим, как будто эти слова его не касались. – Ее кто-то на велосипеде вез.

Этот странный поэт не признавал установленных правил. В поселке за ним уже закрепилась слава Белкиного кавалера, и по всем правилам он должен узнать, что тут такого произошло и почему Огурцову на велосипеде везет не он. Но Максим ничем не интересовался. Он смотрел на реку, шурился и довольно улыбался.

– Она тут чуть не утонула, – возмутилась Катюша. Столь-

ко стараний подруги, и все, оказывается, напрасны. Никакой любви и сочувствия.

– Плавать не умеет? – мысли Лаврентьева витали где-то далеко.

– Все она умеет! – Ну и напыщенный тип! Если бы не Огурцова, Катюша ему бы сейчас такое устроила...

– А может, искупаемся? – Максим и в этот раз не заметил возмущения собеседницы. – Давай, кто первый до того берега!

Он потянул футболку через голову.

– Здравствуйте, господа, товарищи, граждане! – громко прокатилось над пляжем.

Испуганные бабушки схватились за сердце, пара карапузов надрывно заплакала, а все остальные повернули головы к пригорку, откуда раздавался мощный голос:

– Поздравляю вас с законным отдыхом!

Говорившего пока видно не было.

– В здоровом теле здоровый дух!

На этих словах голос сорвался, и над берегом послышалось громкое ржание.

– Стас! – подпрыгнула Катюша.

Но уже раньше ее обо всем догадались мальчишки. Забыв о тарзанке, они спешили к берегу.

– Фролин приехал! – толкнула застывшего от изумления Максима Катя. – Стас!

Она еще не знала, куда бежать. Кроме хихиканья, ничто

больше не выдавало присутствия новопривывшего.

– Закаляйся, если хочешь быть здоров, – сквозь смех проквакал голос, и на пригорке показалась корчащаяся от истерики фигура.

– Фролка, ура! – заголосил Пашка и первым побежал наверх.

– Ой, не могу, – утирал слезы Стас, прижимая к себе старый помятый мегафон. – Вы бы видели свои лица. Словно за вами милиция пришла.

Фролин был невысоким крепким пятнадцатилетним парнем с буйными вихрами. И невероятно обаятельной улыбкой. Зная о силе своей улыбки, Фролин постоянно улыбался, отчего его невыразительное и ничем не примечательное лицо становилось красивым. В Стаса был влюблен весь поселок от мала до велика. Он был шутник, балагур и весельчак, знал сотню смешных песен, которые мог без устали исполнять под гитару, и готов был сыпать анекдотами хоть днем, хоть ночью.

– Слушайте! – тут же перешел к действиям Стас. – Я такой анекдот слышал – обхохочешься. Звонок в дверь. Мужик открывает. На пороге смерть стоит. Глаз у нее подбит, хитон рваный, на скуле синяк, рука плетью висит, коса сломана. Мужик хватается за голову и бормочет: «Какая нелепая смерть...»

Все дружно засмеялись.

Все-таки классный парень Стас.

– Или вот еще. Приезжает муж из командировки домой и сразу к шкафу, распахивает дверцы и вдруг вспоминает, что не женат.

В отдалении стоял кто-то незнакомый. Худенькая бледная девушка с жиденьким хвостом волос на голове. Она мяла в руке панамку и растерянно смотрела на толпу, окружившую Стаса.

Завершение анекдота обозначил новый взрыв хохота.

– Всеобщий любимец? – Максим уже успел искупаться и теперь вытирал полотенцем голову. – А вода какая хорошая...

– Это Стас, – как заведенная повторила Катюша.

– Да понял я, – ухмыльнулся Лаврентьев. – Кажется, он не один. – И Макс кивнул на замершую в отдалении девушку.

– А это... – Фролин тоже решил вспомнить о своей спутнице. – Крыска-Лариска.

– Стасик, – недовольно поджала губы девушка.

– О, – поднял вверх палец Фролин. – Не нравится. Знакомьтесь – Лариса. Мы вместе учимся.

– Стасик, – снова протянула таинственная Лариса.

– Что еще забыл? – Казалось, что Стас издевается над ней. – А! Как я мог! Моя девушка. – И он церемонно поклонился. – Приехала со мной на пару дней, посмотреть мои вотчины.

– Стасик, – недовольный возглас Ларисы потонул в радостных криках приветствия.

– Позер, – негромко произнес за Катюшиной спиной Максим.

– Ты что, – повернулась Жданова. – Он хороший. Его все девчонки любят. Ты сам увидишь, какой он замечательный. Сегодня или завтра будет грандиозная посиделка у пенька.

– С фейерверком и танцами? – снова хмыкнул Максим.

– С шашлыком и картошкой, – отрезала Катюша. Этот поэт был просто невозможен!

Она подхватила полотенце и пошла прочь от речки и радостно сгрудившихся ребят.

Надо же, как этот Лаврентьев умеет испортить всем настроение!

Навстречу ей попался заметно запыхавшийся Васька.

– Стас приехал, – сообщил он.

– Видела, – отрезала Катюша. – Он там сейчас всю речку развлекает.

– А ты домой? – По Васькиному лицу было видно, что ему хочется проводить Катюшу, но еще больше ему не терпится вернуть велосипед, чтобы не навлекать на себя гнев со стороны взрослого Клёпы.

– Пойду Белку навещу, – зачем-то произнесла Жданова, хотя еще минуту назад не собиралась идти к совершенно здоровой подруге. К тому же, узнав о Фролине, Огурцова сама примчится – в прошлом году Стас был предметом ее охоты. Правда, безуспешной.

Брыков покатил дальше, а Катя потопала к поселку, спи-

ной чувствуя, что Лаврентьев идет следом. Это ее вдвойне бесило. Вместо того чтобы подойти и нормально поговорить, он задумчиво бродил вокруг или вот так у всех на виду шел в стороне, делая вид, что просто гуляет. Хотя и так всем понятно – сохнет он по Ждановой. Уже весь поселок об этом шушукается.

Катюша зло мотнула головой и отправилась к Белке.

– Фролин приехал, – сообщила она с порога.

– Стас! – подпрыгнула Огурцова. – Когда? – Она метнулась к окну, надеясь там увидеть всеобщего любимца.

– Только что, – ледяным голосом сообщила Жданова, надеясь охладить пыл подруги. – Он сейчас на речке бабушек развлекает. – И зачем-то добавила: – Кстати, приехал он не один.

– Что значит – не один? – замерла Белка, сделав от удивления огромные глаза.

– А то и значит! – Катюша забралась с ногами в кресло. – Больше он не будет главным женихом всего нашего поселка. Его сердце теперь занято. И он продемонстрировал кем.

– Эх, жаль, я ничего не видела, – сжала кулачок Огурцова. – Это, наверное, было интересно.

– Не без этого. – Жданова вскочила. – Я, пожалуй, пойду. А ты лови своего поэта. Вон он без дела по улице шляется.

Катюша выскочила за дверь.

Белка проводила ее взглядом и только потом упала на кровать.

Почему-то вокруг все шло не так, как хотелось бы. По всем законам жанра ей от кавалеров проходу не должно быть. Но тут, как назло, никто на Огурцову внимания не обращает. А она ведь все для этого делает. И кокетничает, и создает вокруг себя ореол загадочности, и своя собственная манера поведения у нее есть, и очаровать парней знает как, – тем не менее все без толку.

Белка привычно потянулась к колоде карт.

Ни одного дня не проходило, чтобы она не гадала. На любовь, на судьбу, на ближайшие события. Будет ли в магазине хлеб, а потому стоит ли туда идти? Какая завтра будет погода? С кем она в первую очередь встретится на улице – с блондином или брюнетом? Результаты гадания Изабелла обычно тут же забывала, помнила только удовлетворяющие ее ответы. Что в ближайшее время ее ждет встреча с судьбой, о том, что она стоит на пороге перемен, и о всяких таинственных знаках, которые посылает ей провидение.

Чаще всего Огурцова гадала на Макса. Он ей нравился. Красивый какой-то невероятно сказочной красотой, при этом не кичащийся своей внешностью. Было в нем что-то таинственное, словно он носил в себе некую загадку. Макс был странный. Но это-то еще больше заинтриговывало. К тому же он писал стихи. Каждое утро Белка с замиранием ждала, что Лаврентьев появится около ее порога с листочком, свернутым трубочкой, перевязанной алой лентой, и преподнесет его как дар своей любви.

Но Максим этого не делал. Он вообще ничего не делал. Постоянно гулял, мог весь день проходить в лесу или около реки, терпел Белкино присутствие, неуклюже пытался развлекать ее беседой, рассказывал скучные анекдоты, над которыми сам же и смеялся.

И что она в нем нашла? К тому же, судя по всему, Лаврентьеву нравилась невзрачная Жданова. Вот уж фигура! Даром что подружка. Про нее можно сказать одно – никакая. Волосы бесцветные, глаза бесцветные, нос в конопушках, руки в вечных царапках, ногти обкусанные, все лето носит одни и те же старые линялые шорты. Со спины ее и за девочку не примешь, решишь, что мальчишка. По поселку не ходит, а бегаёт. Но, конечно, воображает черт знает что. Напридумывала себе любовью целый ворох. То в одного влюблена, то в другого...

Эх, тоска, одним словом.

Белка перетасовала колоду. Можно было замутить гадание на тридцать шесть карт. Можно было разложить пасьянс на две колоды в сто четыре карты. Тоже верное средство – если сойдется, что случается редко, желание сбудется непременно.

Что бы загадать?

Нужно придумать что-нибудь сногсшибательно невероятное. Хватит привораживать поэтов! Пусть будет так – она хочет, чтобы к ней в гости пришел Стас. Сбудется это или нет?

Желание было глупое. Пятнадцатилетний Стас никогда

не обращал внимания на тринадцатилетнюю Белку. Правда, прошлым летом им всем было на год меньше, но и тогда Фролин не снисходил до «молодежи», как он именовал Пашкину сестру Катюху, а заодно и Огурцову. А сейчас Стас наверняка вообще забыл о Белкином существовании. Поэтому можно было смело гадать и не сомневаться, что выпадет отрицательный ответ.

Белка расправила покрывало на кровати и начала раскладывать карты. Сначала по три. Она была бубновой дамой, Фролин червовым королем. Рядом с ней в тройке легла пиковая шестерка с поздней дорогой и десятка, интерес. У Фролина были сплошные хлопоты, что означали выпавшая пара валетов, пики и трефы.

– Интересно, – пробормотала Огурцова. Руки у нее заработали быстрее.

Что было? Что будет? Что у порога? Что за порогом?

Шла мелочовка. Разговоры, свидания.

Уж чего-чего, а разговоров летом в поселке предостаточно. Выйди на улицу и разговаривай с каждым встречным – все знакомы.

Промелькнули пиковый король и пиковая шестерка. Плохое сочетание. Это значит, что злой человек отправит ее в позднюю дорогу.

Карты пошли по последнему кругу.

Удивит. Обрадует. Успокоит. Насмешит. Дело кончится...

А кончится-то все разговорами. И, судя по выпавшей перед этой карте, король червей, говорить она будет-таки с Фролиным.

Белка почувствовала, как кровь ударила ей в лицо. Она схватилась за щеку и одним движением смешала карты.

– Все сидишь? – Мимо комнаты прошла мать. – Вышла бы на улицу, посмотрела, что в мире творится. Так и не заметишь, как лето пройдет.

Огурцова недовольно поджала губы. Ни в какой другой ситуации она не стала бы слушать мать. Но сейчас ей не сиделось на месте. Кровь стучала в висках, заставляя двигаться.

Подумаешь, карты. Это все ерунда. Она и не верит этим картинкам. От нечего делать ими занимается, когда совсем скучно становится. А так как скучно ей всегда, то...

Белка вышла к калитке. Оставалось одно – пойти искать Максима.

– Огурцова! Ты?

От неожиданности Белка чуть не завалила свой забор – с такой силой она прижалась к нему.

По дорожке шел Пашка Жданов, Катюшин старший брат. Рядом с ним вышагивал, сверкая в улыбке всеми тридцатью двумя зубами, Стас Фролин. За их спинами толпились ребята, но на них Огурцова уже не смотрела. Она не могла оторвать взгляда от сияющего лица Стаса.

– Какая ты стала... – Фролин повертел в воздухе пальца-

ми, словно подбирал слова. – Красивая, черт возьми! Белка, это ты? Я глазам не верю!

Все в нем было чересчур: и жесты, и слова, но Огурцова этого не замечала. В голове все плыло от столь ярких знаков внимания.

– Я, – выдавила она, потому что надо было что-то говорить, чтобы Фролин не принял ее за глухонемую дурочку.

– А я иду, смотрю... ты или не ты! – продолжал кричать Стас. – Если бы не Пашка, решил бы, что кто-то новенький приехал.

– Нет, нет, это я, – заторопилась Белка, чувствуя, что несет страшную чушь, что говорить нужно что-то другое, умное и веселое. Но сейчас она была способна только на односложные ответы.

– Молоток, что приехала. – Фролин несильно стукнул кулаком о ее плечо. – Всегда приятно видеть знакомые лица. Эх, такое ощущение, что я и не уезжал никуда, что не было этого треклятого учебного года, а были только сплошные каникулы! – Стас выжидательно посмотрел на Огурцову, словно теперь пришла ее очередь давать реплику. Но Белка молчала, глупо улыбаясь и хлопая ресницами. – Слушай, Огурцова! – Фролин приблизился к ней вплотную. – Какой ты стала красавицей, глаз не отвести. Ты смотри, всех в округе с ума не сведи, а то я ревновать буду.

Он резко оттолкнулся от забора и, громко захохотав, пошел дальше. Мимо Белки проплыли знакомые и незнакомые

лица, но она на них не смотрела. Она только чувствовала, как от жарких слов, что произнес сейчас Стас, у нее горит лицо, как снова бешено стучит в висках кровь.

Огурцова медленно отошла от калитки и присела на лавочку. Мысли в голове путались.

Неужели? Кто-то наконец смог оценить ее по достоинству?

Она сорвалась с места и побежала к зеркалу. Так и есть. Волосы растрепаны, футболка запачкана зеленью, и на всю щеку бордовый румянец. Научиться бы делать так, чтобы не краснеть... Вот было бы здорово.

Изабелла расчесала волосы, собрала их в пушистый рыжий хвост, подправила разлохматившиеся брови, провела пуховкой по маленькому вздернутому носику. С чего она решила, что нехороша? Очень даже хороша. Тем более после таких слов... Он будет ревновать... Как же, станет он это делать. Да и не один он приехал, а с девушкой. Тоже небось красавица... Надо будет на нее посмотреть.

Белка снова показалась на крыльце, застыла в дверном проеме – бедром касается двери, правая рука поднята вдоль косяка. Эффектная поза, она сама ее придумала.

– Здравствуйте, – раздался знакомый голос из-за забора.
Максим!

Огурцовой очень хотелось сорваться и побежать по дорожке. Но она даже не думала двигаться. Для Лаврентьева у нее была выработана специальная тактика. Месяц она вся-

чески давала понять, что он ей нравится, – постоянно попадалась ему на глаза, а когда он проходил мимо, совершала один и тот же ритуал: опускала глаза и вздыхала; заводила с ним интересные разговоры о литературе и живописи. Изабелла была убеждена, что ей удалось заинтриговать Макса. Он несколько раз пригласил ее погулять, вел умные беседы о каких-то поэтах древности и о том, кто мог написать «Повесть временных лет». Словом, мышка уже сидела в мышеловке. Теперь наступил новый виток. Мышка должна была попробовать отравленного сыра – привыкнув к общению с Белкой, Лаврентьев теперь обязан был сам проявлять активность.

Именно поэтому Белка все еще стояла на крыльце. Только лицо подняла к солнцу и закрыла глаза – мол, она ничего не видит и не слышит. Стоит, медитирует.

– Здравствуйте!

Максим галантно раскланивался с Белкиной мамой. Пока Огурцова удивлялась, момент был упущен – Лаврентьев заметил, что она на него смотрит.

– Здравствуй, – улыбнулся Макс. – Ты сегодня не на речке? А я принес тебе книгу. Помнишь, я рассказывал тебе о древнеримском философе и историке Плинии-младшем. Вот, почитай, это интересно.

Если бы Огурцова была не Огурцова, а какая-нибудь Пупкина, она бы возмущенно заорала: «Другого повода зайти у тебя нет? Только с макулатурой таскаешься! А то, что я по-

что целый день дома сижу, тебя жду, это не в счет? Да катись ты со своим пыльным Плинием!..»

Но ничего подобного Белка не сказала, а только медленно улыбнулась и нерешительно протянула руку к книге.

– Тяжелая, – взвесила она на ладони объемный талмуд. – Обязательно прочитаю.

Пока Белка вертела книгу, та чуть не выскочила у нее из рук. Максим резко наклонился вперед, подхватывая свою собственность, из-за чего случайно толкнул Огурцову рукой в грудь. Тут же стал извиняться, краснеть и покашливать. Белка глупо хихикнула и спустилась по ступенькам во двор. Все-таки мальчишки примитивные существа, ими так легко управлять.

– Помоги мне, пожалуйста, – еле слышно прошептала Огурцова, дойдя до куста малины. – Ты не сорвешь мне несколько ягод? Я так боюсь оцарапаться.

Она села на краешек скамейки и скромно потупила глаза. Максим с готовностью полез в колючие кусты.

– А я сегодня был на речке. – Лаврентьев говорил нарочито громко, скрывая неловкость своего падения. – В поселок приехала какая-то местная знаменитость. Семен, кажется...

– Стас, – догадалась Белка. – Он всегда приезжает на один месяц в июле. Теперь начнется веселье.

– Он будет собирать толпу и травить с утра до вечера анекдоты?

– Не завидуй чужому счастью! – разозлилась Огурцова.

Кто он такой, чтобы наговаривать на классного парня Фролина?!

– Было бы чему завидовать, – равнодушно пожал плечами Лаврентьев. – Пустомеля и позер. – Он выбрался из куста, даже не замечая колючки, цепляющиеся за его одежду. – Впрочем, кому что нравится.

Максим протянул Белке ладонь с десятком крупных ягод. Но смотрел он в этот момент не на Огурцову, а куда-то вдаль, за калитку. И Изабелла обиделась не на шутку.

– А ты чем лучше? – От ее сильного удара ягоды посыпались на землю. – Тоже любишь покрасоваться, строишь из себя всего такого загадочного и неприступного. А что в тебе есть? Твои никчемные стишки?

Максим недовольно поморщился.

– Я не сравниваю, кто лучше, кто хуже. – Голос его стал чуть напряженным. – Глупое занятие. Ты спросила, я ответил. Зачем спрашивать, если неинтересно слышать правду? Впрочем, – он развел руками, – если неинтересно, можно сменить тему.

– Почему же, очень даже интересно! – Белка еще старалась сохранять спокойствие, помня о необходимости делать плавные движения. – Интересно знать твое мнение о нашем поселке. Месяц прошел, ты вполне успел освоиться.

– Поселок как поселок. – Максим снова смотрел за забор – видимо, ему было скучно. – Нормальный поселок. Места вокруг красивые.

– Только места? – напряглась Огурцова.

– А люди везде одинаковые, – вынес свой приговор Лаврентьев.

– Что?

Такого Белка не ожидала. И это после месяца обработки, когда она была глубоко убеждена в своей окончательной и безоговорочной победе! Да этот Лаврентьев должен валяться около ее ног с бесконечными признаниями любви и благодарности за то, что она снизошла до него. А Максик вот, значит, как себя повел?

– Убирайся, – прошипела она. – Иди отсюда! – Ей очень хотелось чем-нибудь запустить в это красивое спокойное лицо, расцарапать его ногтями, чтобы больше на нем не было этого равнодушия и холодности. – Топай к своим цветочкам! – Изабелла сдерживалась из последних сил, пытаясь сохранить остатки хладнокровия. – Проваливай! – Все-таки она вскочила, терпеть эту молчаливую дуэль взглядов было невыносимо.

И снова Максим смотрел не на нее. Он смотрел на землю, на растоптанные ягоды, которые безжалостно продолжали давить подошвы Белкиных босоножек.

Неизвестно чему кивнув, Лаврентьев повернулся и пошел к калитке.

– Дурак! – Ему в спину полетел несчастный, подвернувшийся под руку Плиний.

Макс молча поднял рассыпавшуюся книжку. Еще секунду

его было видно из-за забора, а потом он исчез за поворотом.

Внутри у Белки все клокотало. Давно она не была такой злой. Ух, попадись ей кто-нибудь, она бы разорвала его на запчасти.

– Что ж вы ягоды-то топчете! – Мама, как всегда, появилась неожиданно. – Изверги!

– Мама, при чем здесь ягоды!

Белка побежала в дом, упала на свою кровать, закопалась головой в подушки. В эту секунду она ненавидела Макса всей душой. И страшно жалела себя, такую хрупкую и беззащитную, которую коварно кинул подлый обманщик.

Побивавшись так минут пять, Изабелла наконец почувствовала, что ей неудобно лежать. Ну конечно же! Карты! Сейчас она все узнает.

Огурцова быстро перетасовала колоду, отобрала одни картинки и стала гадать на Фролина. Расклад получался странный. Ему в Огурцовой нравилось все – фигура, внешность, ум. Но никаких чувств он к ней не испытывал. Хотя при таком наборе стопроцентная любовь гарантирована. Она задумчиво посмотрела на короля червей. Ну что же, Лаврентьев еще пожалеет, что так поступил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.